

Г.А. ПЕТАЧЕНКО

ПРОБЛЕМА ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ РСФСР В 1920-х гг.

Рассматриваются жилищные условия научных работников в 1920-х гг. в РСФСР. Анализируется государственная политика по их улучшению. Особое внимание уделяется ее направленности на обеспечение необходимых жилищных прав ученых.

The article deals with the housing status of scholars in the 1920-s in Soviet Russia. Special attention is paid to the study of the state policy towards improving the necessary housing conditions.

Острый жилищный кризис, переживаемый большинством университетских городов с начала революции 1917 г., особенно тяжело отразился на научных работниках, которые в силу специфики условий работы нуждались в достаточно благоприятной жилищной обстановке. Большинство жилых зданий в городах после революции перешло в собственность государства, и распоряжались этим жилым фондом государственные советы. Городские власти определяли и устанавливали норму жилищной площади на одного жителя, но она постоянно менялась в зависимости от реальной ситуации. Так, в Москве в 1920 г. она составляла 9,3 м², в 1923 г. – 6,8 м², в 1926 – 5,3 м² на одного жителя¹. Особое положение занимал Ленинград, где постановлением Губернского исполнительного комитета норма пользования жилой площадью на одного человека равнялась 12 и 7 м² дополнительно на одну семью. Таких норм жилой площади не было установлено ни в одном городе в СССР².

Городские власти также имели право выселять жильцов, считавшихся классовыми врагами, и подселять новых в уже занятые квартиры. Такая практика, получившая название «уплотнение» и «самоуплотнение», по мнению исследо-

вателей, стала тяжелым испытанием для городских жителей в 1920-х гг.³ Значение терминов «уплотнение» и «самоуплотнение» разъясняется в Практическом комментарии к инструкции Жилищного Отдела Московского коммунального хозяйства о порядке уплотнения жилищ: «Уплотнением называется увеличение населения данной жилой площади или лишение жильцов части жилой площади. Уплотнение бывает принудительное и добровольное. Принудительное уплотнение называется просто “уплотнением”, производится независимо от согласия на него уплотняемых, а добровольное уплотнение, называемое “самоуплотнением”, заключается в предоставлении части жилой площади новым жильцам, вселившимся в жилое помещение с согласия уплотняющихся»⁴.

До окончания Гражданской войны научные работники в отношении жилищных прав ничем не выделялись из остальной массы граждан и разделяли с ними все тяготы, которые налагало военное время. Лишь с начала 1922 г. в связи с созданием Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) и местных комиссий (КУБУ) начали предприниматься меры по улучшению жилищных условий научных работников

путем декларирования в законодательном порядке льгот в отношении права пользования жильем⁵.

Первым шагом явился декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 16 января 1922 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников»⁶. Согласно документу всем научным работникам, зарегистрированным в ЦЕКУБУ, было предоставлено право на одну дополнительную комнату сверх общегражданская норма, необходимая одному человеку и составлявшая 8,25 м². Эта величина как общероссийская норма заселения жилья должна была стать руководством для органов, ведающих распределением имеющегося жилища и заселением вновь построенного⁷.) Также были предоставлены льготы по самоуплотнению в случае наличия в занимаемых ими квартирах свободных помещений и гарантировалось их не выселение. Исключениями были выселения, осуществлявшиеся по решению суда и только в строго определенных случаях. Народным судам вменялось в обязанность при разрешении спорных вопросов о праве на помещение, занимаемое научным работником, вызывать представителя местной комиссии по улучшению быта ученых в качестве посредника. Постановление распространялось на все домовладения РСФСР.

Декрет должен был изменить правовое положение научных работников в отношении пользования жилплощадью, выделив их в привилегированную группу населения. Наличие упомянутых льгот подтверждалось специальными удостоверениями, так называемыми «охранными грамотами», выдававшимися ЦЕКУБУ в Москве и Ленинграде. В провинциальных городах, где в этом была необходимость, научные работники также получали удостоверения от местных КУБУ⁸.

Однако на практике положения декрета не выполнялись, возникало много конфликтов с домоуправлениями, которые не желали считаться с жилищными льготами, предоставленными научным работникам. В провинции положения декрета соблюдались более строго. Нарушения происходили реже и в большинстве случаев нарушенные права восстанавливались в результате обращения КУБУ в судебные или административные инстанции.

В начале 1924 г. жилищные права научных работников были подвергнуты существенным ограничениям в связи с инструкцией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК) от 9 января 1924 г. «О порядке выселения граждан из домов-коммун и из помещений, закрепленных за учреждениями и предприятиями»⁹. Инструкция предоставила право выселять в административном порядке лиц, не свя-

занных службой или работой в этих учреждениях и предприятиях. Такой порядок выселения распространялся на научных работников, которым ни администрация выселяющих их учреждений, ни жилищные органы не обязывались предоставлять другое годное для жилья помещение и перевозочные средства, как это было установлено той же инструкцией в отношении рабочих, студентов, состоящих на государственных стипендиях и др.

Выполнение инструкции от 9 января 1924 г. осложнило и без того тяжелое положение научных работников в Москве, где имелось большое число домов, закрепленных за учреждениями и предприятиями. В связи с необычайной остротой жилищного вопроса жилищные органы и вместе с ними и некоторые народные суды начали игнорировать права научных работников, заявляя, что эти права устарели, при этом нарушая положения декрета СНК РСФСР от 16 января 1922 г. Для выхода из сложившейся ситуации Центральное бюро секции научных работников и ЦЕКУБУ обратились с совместным обращением в СНК РСФСР и ВЦИК о необходимости подтверждения прав научных работников на занимаемую жилплощадь.

Это обращение способствовало декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 31 июля 1924 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников»¹⁰. В документе подтверждалось право научных работников, зарегистрированных в ЦЕКУБУ, местных КУБУ или местных отделениях Секции научных работников (СНР), на дополнительную комнату для научных занятий, а в отдельных случаях, с разрешения КУБУ или СНР, на особое помещение для чертежных, библиотек, коллекций. Кроме того, выселение научных работников из домов, закрепленных за учреждениями и предприятиями, могло иметь место лишь при условии предоставления ими другой жилой площади и перевозочных средств и не могло проходить в зимнее время. Право выдачи охранных удостоверений на жилплощадь предоставлено как ЦЕКУБУ и ее местным органам, так и местным отделениям СНР. Все спорные вопросы о праве на помещения, занимаемые научными работниками, передавались на разрешение народного суда с вызовом при разборе дела представителя ЦЕКУБУ или СНР в качестве третьего лица.

В связи с тяжелым жилищным кризисом в Москве 22 августа 1924 г. президиумом Московского Совета и ВЦИКом были приняты ограничения на постановления от 31 июля 1924 г. Согласно документу на каждую семью научного работника не могло быть отведено более одной дополнительной комнаты или более двух дополнительных площадей в 20 кв. аршин (1 аршин = 0,71 м), даже если семья состояла из нескольких научных работников. Общее количество научных работников, пользовавшихся льготой, ограничивалось 3000 чел., из них 1500 чел. пользовались допол-

нительными комнатами и 1500 чел. – дополнительными площадями в размере 20 кв. аршин. Научные работники, проживавшие без семьи, занимавшие комнату размером более 20 кв. аршин, права на дополнительную комнату не имели¹¹.

Новые постановления, касающиеся жилищных прав научных работников, с одной стороны, расширяли круг лиц, на которых распространялись положения постановлений, не зарегистрированных в ЦЕКУБУ, с другой – ограничивали, допуская возможность выселения в административном порядке, а в Москве, кроме того, ограничивалось право на дополнительную площадь.

Несмотря на эти ограничения, постановление ВЦИК от 31 июля 1924 г. подтвердило основные положения постановления СНК РСФСР от 16 января 1922 г. Тем не менее в 1924 г. и в начале 1925 г. нарушение жилищных прав научных работников стало происходить значительно чаще, чем в предыдущий период. Об этом свидетельствовало увеличившееся количество жилищных конфликтов как в Москве, так и в провинции (Казани, Воронеже, Ростове и др.). Не только административные органы, но и народные суды проявляли тенденцию к ограничительному толкованию жилищных прав научных работников. В ответ на эти нарушения стало принятие циркуляра Народного Комиссариата юстиции от 2 марта 1925 г. и декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля 1925 г. «О дополнительных мерах к улучшению жилищных условий научных работников»¹², в которых подробно разъяснялся принцип и порядок рассмотрения дел о жилищных правах научных работников. В частности, при рассмотрении народными судами дел, связанных со спором о праве научного работника на жилую площадь, обязательно привлечение в качестве третьего лица ЦЕКУБУ или СНР независимо от согласия или несогласия научного работника на их привлечение¹³.

Эти документы внесли большую ясность в трактовку и применение декретов, касавшихся жилищных прав научных работников. Ситуация изменилась прежде всего в Москве, где 90 % всех жилищных конфликтов, разрешенных после издания циркуляра в судебном порядке, окончились в их пользу. За 1925–1926 гг. в московских судах было разобрано 487 дел о жилищных правах научных работников. Наибольшее количество дел (124) было связано с исками о праве на дополнительную комнату. 158 дел касались изъятия излишков и переселения, что во многих случаях объяснялось стремлением домоуправлений лишить научных работников рабочих комнат и заменить их дополнительной площадью 20 кв. аршин, расположенной в комнатах других хозяев и даже в других квартирах. В 58 случаях рассматривались права научных работников на самоуплотнение¹⁴.

Закрепление жилищных прав научных работников на законодательном уровне стало важным фактором в улучшении их жилищных условий. Тем не менее условия проживания научных работников оставались совершенно неудовлетворительными, все сводилось лишь к сохранению за ними той жилплощади, которой они располагали. Это относилось как к столице, так и к крупным провинциальным центрам¹⁵. Отсутствие жилой площади даже по норме заставляло научных работников проживать в сырых, холодных, без всяких удобств помещениях. Из шести с половиной тысяч научных работников, зарегистрированных по Москве в 1928 г., менее трех тысяч пользовались дополнительной комнатой или дополнительной площадью для научных занятий. Однако судебные споры по поводу занимаемых «излишков» площади, квартирной платы, помещений общего пользования, разнохарактерные требования живущих в одной квартире посторонних друг другу людей создавали для научных работников такую обстановку, которая лишала их возможности продуктивно работать.

Среди научных работников, подавших заявления о предоставлении им жилой площади, более 300 семей проживали в таких условиях, которые можно назвать катастрофическими. Они не имели постоянной площади, жили в помещениях, признанных актом санитарной инспекции негодными для жилья, или в исключительно тяжелых бытовых условиях. Многие, не имея возможности устроиться в Москве, были вынуждены снимать комнаты в дачных поселках, выплачивая за эти помещения значительные суммы и затрачивая несколько часов в день для поездки в Москву и обратно.

В не менее тяжелых жилищных условиях оказались научные работники в провинции. Весной 1928 г. ЦЕКУБУ и ЦБ СНР разослали во все местные отделения СНР анкеты с целью ознакомления с жилищными условиями научных работников. Выяснилось, что жилищный вопрос в провинции стоял достаточно остро. Большинство научных работников не имели отдельных комнат и дополнительной площади для работы и были вынуждены проживать в сырых, холодных, без канализации и водопровода, требующих капитального ремонта квартирах. К этому надо добавить и формально-равнодушное, а иногда и враждебное отношение к их жилищным нуждам и правам со стороны местных коммунальных органов¹⁶.

Анкетирование выявило факты принудительного изъятия жилой площади, отказы по предоставлению дополнительных комнат, неправильное начисление квартирной платы, грубое нарушение прав научных работников на самоуплотнение и т. п. Не редки были случаи, когда научные работники, протестовавшие против нарушения предоставленных им законом прав, получали ответ от сотрудников отделов коммунального хозяйства: «Вот с этими-то привилегиями мы и боремся»¹⁷.

Наименее обеспеченными жилой площадью были научные работники Владикавказа, Вятки, Казани, Краснодара, Ростова-на-Дону, Свердловска, Смоленска, Твери и Ярославля¹⁸.

О чрезвычайно тяжелых жилищных условиях научных работников сообщало, например, Казанское отделение СНР: «Жилая площадь в коммунальных, жилищно-кооперативных и частных домах была недостаточна. В большинстве случаев в квартирах отсутствовали канализация, водопровод, теплые уборные. Имелись квартиры, помещенные в одном доме с пивной и лавкой Госспирта, в результате чего против окон квартир научных работников с утра до вечера слышится пьяная песня, ругань, происходят драки и проч. До 50 % научных работников имеют сырые и холодные квартиры, требующие капитального ремонта, который не производится за отсутствием средств»¹⁹.

О таких же тяжелых жилищных условиях сообщали Калужская, Кубанская, Рязанская, Свердловская, Смоленская, Томская и другие отделения СНР. Из 23 местных отделений СНР, приславших сведения о жилищных условиях научных работников, 18 указывали на неудовлетворительные как жилищные, так и бытовые условия, в которых приходилось жить и работать научным работникам провинции²⁰.

Конечно, были случаи предоставления достаточно приемлемых жилищных условий ученым. Так, к концу 1920-х гг. в Иваново-Вознесенске построили дома для научных работников на средства, которые выделили местные организации. Почти всех нуждающихся научных работников обеспечили отдельными квартирами, несмотря на остроту жилищного кризиса: (средняя норма составляла 4,3020 м² на человека против 5,66 м² в Москве).

Предпринимаемые меры к улучшению жилищных условий научных работников на протяжении 1920-х гг. кардинально не изменили ситуацию к лучшему, а лишь несколько смягчили жилищный кризис. Единственным возможным средством, которое было в состоянии разрешить этот вопрос, являлось развитие нового жилищного строительства, однако быстро растущее население городов и

низкие темпы строительства жилья не позволили решить эту проблему.

¹ См.: Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004.

² См.: Канчеев А. А. Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. 1925. № 3. С. 121.

³ См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001. С. 59.

⁴ Практический комментарий к инструкции Жилищного Отдела МКХ о порядке уплотнения жилищ // Жилищное товарищество. 1922. № 6. С. 31–35.

⁵ См.: Забота об ученых // Известия ВЦИК. 1922. 27 янв.

⁶ См.: О мерах к улучшению жилищных условий научных работников: Декрет СНК РСФСР от 16 янв. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. Отдел первый. № 6. Ст. 73. С. 78–80.

⁷ См.: Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004.

⁸ См.: ЦЕКУБУ: Краткий отчет. М., 1922. С. 32.

⁹ См.: Инструкция о выселении граждан из занимаемых ими помещений, утвержденная 9 янв. 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР // Собр. узаконений РСФСР. 1924. № 8. С. 45.

¹⁰ См.: О мерах к улучшению жилищных условий научных работников: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 31 июля 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1924. Отдел первый. № 68. Ст. 673. С. 865–867.

¹¹ См.: Тайцплин И. С. Жилищные права и условия научных работников // Научный работник. 1927. № 1. С. 40.

¹² См.: О дополнительных мерах к улучшению жилищных условий научных работников: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апр. 1925 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1925. Отдел первый. № 24. Ст. 173. С. 184.

¹³ См.: Тайцплин И. С. Жилищные права и условия научных работников // Научный работник. 1927. № 1. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ См.: Пыстина Л. И. Льготы и привилегии интеллигенции в Советской России в 1920-е – начало 1930-х годов // Интеллигенция России в истории XX в.: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: Тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 1998. С. 235.

¹⁶ См.: Ясинская В. И. Жилищные условия научных работников в Москве и в провинции // Научный работник. 1928. № 11. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 51.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 52.

Поступила в редакцию 30.12.09.

Григорий Алексеевич Петаченко – преподаватель кафедры истории России.